

**Метод описания концептуальных структур
(на примере концепта *надежда*)**

В статье рассматриваются способы вербализации концепта в языковой картине мира. Основное внимание обращено вопросу метода анализа концептуальных структур, т. е. формирующих признаков. В качестве примера избран концепт «надежда».

Ключевые слова: языковая картина мира, внутренний мир человека, концептуальная метафора, концепт, прототип.

M. V. Pimenova
Kemerovo, Russia

**Descriptive Method of Conceptual Structures
(by the Example of the Concept *надежда*)**

The article presents the analysis and description of the concept *надежда* metaphors in the language picture of the world.

Keywords: the language picture of the world, person's inner world, conceptual metaphor, concept, prototype.

В данной статье предлагаются некоторые подходы к описанию концептов и способов их вербализации в языковой картине мира. Такие подходы рассматриваются на примере концепта *надежда* [5, с. 47–67].

Концепт – это означенный в языке национальный образ, символ, идея. Концепт имеет сложную структуру представления, реализуемую различными языковыми средствами. Информация о познаваемом объекте (фрагменте мира) может быть получена различными способами восприятия (при помощи зрения, слуха, обоняния, осязания и т. д.). Такая информация формирует парадигму периферийных концептуальных признаков. Информация о познаваемом объекте (фрагменте мира) может выражаться в виде вторичной категоризации, что составляет ядро структуры концепта. Концепт отражает категориальные и ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира. В структуре концепта заключаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры.

Один из подходов концептуального анализа основывается на изучении внутренней формы слова, его этимологии. По мнению М. Фасмера, слово *надежда* заимствовано из церковнославянского языка, «из *na-dedia от *на* и *деть, deti*», «ср. *народн. надѣжа, болг. надзѣжа, др.-рус. надежа*» [8, III: 37]. *Надежда* – это некий стержень, опора.

Лексема *надежда* определяется в «Словаре Русского Языка» как «ожидание чего-либо, соединённое с уверенностью в возможности осуществления» [7, II, с. 343]. *Надеяться* означает «иметь надежду, рассчитывать на что-либо» [7, II, с. 344]. *Надеяться* во втором значении имеет дефиницию «полагаться на кого-либо/что-либо, быть уверенным в ком/чём-либо» [7, II, с. 344].

Когнитивные принципы организации информации восходят в прототипическому образцу, свойственному носителям конкретного языка. Одна из концепций прототипического подхода принадлежит Э. Рош, которая изложена в трудах по когнитивной психологии [10]. Э. Рош определяет прототип как единицу, проявляющую в наибольшей степени свойства, общие с другими единицами данной группы, а также как единицу, реализующую эти свойства наиболее полно, без примеси иных свойств. В прототипическом образце слова заложена схематическая репрезентация концептуального ядра.

Прототипический анализ концептов приводит к изучению языковых схем, свойственных для реализации этих концептов в языке. Концепт – это воплощённый в знаке образ мира или его фрагмента. Регулярное употребление тех или иных закреплённых в языке сочетаний указывает, по мнению Дж. Байби, на то, что носители языка одни языковые единицы действительно хранят в памяти в готовом виде, а другие порождают в

процессе речи. «То, что хранится в памяти, – это не элементы «словаря», а скорее совокупность наиболее релевантной информации. В частности, наиболее употребительные языковые единицы (даже построенные по регулярным моделям) носителями языка, скорее всего не членятся, а хранятся в памяти в готовом виде» [1, с. 304].

Концепт – это так или иначе означенный в языке образ. Образы мира или фрагментов мира относятся к двум взаимосвязанным областям человеческого опыта – реальной действительности и метафизической, идеальной стороне бытия. Вся сфера бытия предстаёт в человеческом сознании в виде некоторых устойчивых образов. Каждый образ формируется значимыми и незначимыми деталями. Это может быть национальный образ, символика которого определена культурой народа. «Язык воплощает и национальный характер, и национальную идею, и национальные идеалы, которые в законченном их виде могут быть представлены в традиционных символах данной культуры» [2, с. 15].

Применительно к исследованию концептов, прототипом будет наиболее репрезентативный образ, в котором отражены все типичные признаки, свойственные концепту. Признаки, которые закреплены в языке в виде устойчивых и свободных сочетаний, считаются типичными; окказиональные признаки, встреченные только у конкретных авторов, – периферийными. При исследовании концептов возникает понятие эпизодической и семантической памяти. Эпизодическая память включает информацию, непосредственно приобретенную из окружающего мира в процессе социальной и познавательной деятельности, семантическая память черпается из встреченных устных и письменных текстов. Структура любого концепта в языковой картине мира экстериоризирует как эпизодическую, так и семантическую память носителей языка.

Эпизодическая и семантическая память прослеживается в признаках, свойственных концепту *надежда*. Через признаки концепта «прочитываются» когнитивные модели. «Надежда – растение» – это когнитивная модель, которая в языке выражается в виде различных концептуальных метафор (ср.: *надежда растёт; что подпитывает надежду; ростки надежды*). Концептуальная мета-

фора – это способ видеть одну область через призму другой. Под когнитивной моделью, которую в лингвистике называют также фреймом или сценарием, понимается некоторый стереотипный образ, с помощью которого организуется опыт. Такая модель определяет нашу концептуальную организацию опыта, наше к нему отношение, а также то, что мы желаем выразить. Иными словами, значение слова может быть представлено в виде фрейма – структуры представления знания – связанной схематизацией опыта, в которой фиксируются прототипические знания о действительности, содержится основная (типовая) информация о том или ином концепте. Когнитивные модели, так или иначе реализованные в языковых знаках, обнаруживают относительную простоту структурных типов и представляют собой последовательную систему, построенную на универсальных законах.

Концепт *надежда* относится к абстрактной области, поэтому большинство сочетаний с именем *надежда* являются метафорическими. Под метафорой в широком смысле понимается любое переносное значение слова. В современном языкознании метафору рассматривают как особый способ мышления о мире, который использует прежде добытое знание. В таком случае метафора представляет собой модель выводного знания, когда формируется новый концепт за счёт использования буквального значения выражения и сопутствующих ему ассоциаций. В. Н. Телия пишет, «при этом, поскольку все типы метафоризации основаны на ассоциативных связях человеческого опыта, метафора по своей природе антропометрична: она соизмеряет разные сущности, создавая новый "гештальт" из редуцированных прототипов, формируя на его основе новый гносеологический образ и синтезируя в нём признаки гетерогенных сущностей, что является характерной чертой метафоризации и что позволяет получить "на выходе" этого процесса совершенно новые смыслы (и соответственно – понятия, а на их основе и значения)» [8, с. 4].

Все когнитивные модели находят своё отображение в языковых схемах, которые носители языка употребляют для описания актуальных событий. Языковые схемы – это различные формы и способы выражения в соответствующем языке знаний об отдельных фрагментах мира. Все исследуемые

концепты имеют закреплённые формы выражения в языке, у соответствующих лексем отмечены специфические ограничения на сочетаемость. По словам Е. В. Рахилиной, «все те свойства, которые определяют сочетаемость, не являются собственными свойствами объектов как таковых, потому что они не описывают реальный мир. Они соотносятся лишь с отражением реального мира в языке, т. е. с тем, что принято называть языковой картиной мира» [6, с. 338].

Для русского языкового сознания свойственно чувственное начало, которое предопределяет исход событий в жизни. Человек может сделать невозможное, если это действие предваряется наличием надежды (*есть надежда на что/ на кого; (не) существует надежда на что/ на кого*). Позиция субъекта слова надежда в конструкции указывает на то, что в основании любого действия находится идеальный компонент, некоторый план действий. Этот план имеет отличительные особенности, он строится не на рациональных, а на эмоциональных принципах (*надежда основана на чём*). Надежда – это чувство, которое обычно не бывает объективным (*льстит себя надеждой*). Первичность такого аспекта, как наличие или отсутствие надежды, предопределяет возможность или невозможность завершения задуманного действия.

Надежда может выступать в качестве деятеля (агенса). Надежда уподобляется живому существу, которое *живёт, воскресает, поселяется* или *вселяется* в сердце или душу, движется (*надежда умчалась, унеслась, улетела*). Надежда концептуализируется признаками помощника, спутника (*надежда не покидает кого*). Надежда переосмысливается через образы облака, тумана или газа; она *рассеивается, улетучивается*. Надежда в некоторых контекстах предстаёт в образе некой частицы огня (искры), которая *тлеет* в душе или сердце (*искра надежды в сердце/ душе потухла/ тлеет*). Надежда может передаваться в образах зари, лучей солнца (*надежды луч горит, надежда озарила ум*).

Анализ функционирования лексемы надежда в тексте показывает, что эта лексема чаще всего находится в постглагольной позиции, т. е. надежда концептуализируется признаками объекта, претерпевающего над собой действия того, на что направлено действие некоего субъекта. Надежду-объект *тянут, скрывают, берегут, подают, носят* и *уно-*

сят. Как за ребёнком, за надеждой-объектом ухаживают: *надежду лелеют, питают, пробуждают, растят, возвращают, ей верят*. Надежда, как ребёнок, бывает простодушной и наивной (*простодушная/ наивная надежда*).

Как некоего жителя, надежду поселяют в душу или в сердце (*вселить/ поселить надежду в душу/ в сердце*). Душа человека, как сосуд, наполняется надеждой (*душа полна надежд*). Как некий ресурс или имущество, надежду-объект *теряют, утрачивают, (не) оставляют, подают, имеют, её лишаются, от неё отказываются*.

Для лексемы надежда свойственно употребление в конструкциях с возвратными глаголами, в таких случаях возможно говорить об обозначении ситуации эмоционального состояния (*предаваться несбыточной надежде; сердце томится надеждой; льститься надеждой; обольститься надеждой; утешаться надеждой; ср. также: обмануться в надежде; льстить себя надеждой*).

Собранные языковые факты свидетельствуют о таких закреплённых за лексемой надежда глагольных сочетаниях:

- 1) надежда + глаголы сохранения (*таить, скрывать, беречь*);
- 2) надежда + глаголы передачи (*подавать, передавать*);
- 3) надежда + глаголы ухаживания (*лелеять, питать, пробуждать, будить*);
- 4) надежда + глаголы бытия (*жить, воскресать, поселяться, вселяться, умирать*);
- 5) надежда + глаголы движения (*умчаться, унести, улететь*);
- 6) надежда + глаголы горения (*тлеть, гореть*);
- 7) надежда + глаголы природных и погодных явлений (*рассеиваться (как туман); озарять*).

Анализ возможных сочетаний лексемы надежда показывает, что надежда концептуализируется тремя основными способами: 1) надежда уподобляется живому существу; 2) надежда воспроизводится через образы метеорологических или стихийных явлений; 3) надежда понимается как некий ресурс, который стараются сберечь.

Концепт – это сложный комплекс признаков, исследование которых позволяет максимально полно выявить структуру искомого концепта. Опираясь на тексты, можно определить практически весь набор признаков, которые формируют структуру того или иного концепта. Признак – это

то основание, на котором происходит уподобление, сравнение или отождествление явлений мира. Как отметил В. В. Колесов, «признак – всегда образ, история каждого древнего слова и есть сгущение образов – исходных представлений – в законченное понятие о предмете» [3, с. 11]. Анализ концептуальной метафоры показывает, по словам Е. О. Опариной, что «её значение формируется на основе взаимодействия двух компонентов – обозначаемого и образного средства. Обозначаемое метафоры задаёт её направление в зависимости от представления говорящего об объекте и коммуникативного намерения вспомогательный компонент выбирается среди ряда возможных в зависимости от того языкового понятия, которое он выражает и которое согласуется с намерением говорящего – обозначить определённую грань непредметного объекта» [4, с. 77].

Исследование и сопоставление стереотипных признаков концептов позволяет выявить общие и специфические особенности народных (ненаучных) систем знаний о внутреннем мире человека, а также выводить некоторые заключения о свойствах национальной ментальности. Интерпретация языковых средств, служащих для таксономии отдельных фрагментов внутреннего мира, является одним из методов исследования процессов категоризации субъективной действительности и отражения их в языковых структурах.

Описание разнообразных сторон внутренней жизни человека происходит в соответствии с развитием концептуальной системы этого мира, которая, в свою очередь, являет собой «познанную» структуру и свойства человеческой психики. Языковая концептуализация внутреннего мира представляет осмысление его фрагментов, которое объективируется в виде соответствующих языковых единиц. Концептуальные структуры знаний о внутреннем мире эксплицируются в системных парадигматических и синтагматических связях таких языковых единиц.

Основной способ постижения всего мира заключается в постижении его фрагментов путём членения и установления тождества между отдельными компонентами. Подобный подход используется и при постижении внутреннего мира; он строится на осознании единства внешнего и вну-

треннего мира при одновременном понимании объективности и субъективности их существования.

Структура концепта формируется несколькими группами признаков, которые отображают прототипические способы описания фрагментов мира. В языке метафоризация происходит на основе некоторого исходного образа, который в лингвистике называют корневой или концептуальной метафорой, в психологии – архетипом. Например, время в русской языковой картине мира переосмысливается в образах водного потока – *время течёт, утекает, иссякло*, летающего существа – *время летит, уносится, проносится* или некоего ресурса – *тратить чьё время, время закончилось, время – деньги*, деньги представляются через образы песка – *сыпать деньгами, рассыпать мелочь* или воды – *деньги утекают сквозь пальцы, деньги потекли к нему рекой*, которая понимается как освоенная область стихийного мира: деньги – это водный поток, находящийся под контролем человека – *регулировать/ контролировать денежные потоки*. Концептуальная метафора является результатом процесса образного подобия, переходящего во внутреннюю форму. Концепты абстрактной сферы формируются за счёт признаков предметов или явлений, уже названных и познанных, представленных в виде знаков в данной семиотической системе. Концептуальные метафоры объединяются на основе вегетивных, зооморфных, антропоморфных, социоморфных, предметных, метеорологических, стихийных, пространственных признаков.

Так, некоторые устойчивые сочетания преподносят прототипический образ *надежды* через биоморфные признаки "живого существа". Группа признаков концепта *надежда* в таком случае представляется в следующем виде:

надежда – живое существо (*живая надежда; надежда жива в ком; надежда живёт и не умирает; надежда умирает последней; воскресшая надежда; воскресить надежды в ком*);

надежда – насекомое: мотылёк (*крылатая устар. поэт./ трепетная/ крохотная разг./ крошечная надежда; порхать на крыльях надежды*);

надежда – двигающееся существо (*надежда пришла к кому; надежда покинула кою*);

надежда – (плохо) воспринимающее существо (*глухая надежда; слепая надежда*);

надежда – питающее существо (*питать надежду книжн.*);

надежда – спящее существо (*пробудить в ком надежду*);

надежда – существо с характером (*верная/ вольнолюбивая устар./ простодушная/ робкая/ смелая/ тихая/ честолюбивая/ добрая надежда*);

надежда – говорящее существо (*голос надежды; надежда в сердце говорит*);

надежда – жилец/ поселенец (*вселять/ вселить в кого надежду высок.; вселить надежду в сердца людей высок.*);

надежда – гость (*надежда появилась у кого; надежда посетила кого; с надеждой проститься*);

надежда – ребёнок (*лелеять надежду книжн.; поддерживать надежду*);

надежда – обманутое существо (*обмануть чьи надежды*).

Как любое живое существо, надежда живёт и обладает способностью воспринимать (ср.: *Могу ль сказать: живи надежде?* Жуковский. «Песня»). Надежда – живое существо может умереть (*надежды умерли*). Фактический материал показывает, что возможны окказиональные признаки у концепта надежда, свойственные авторским картинам мира. Так, например, сценарии надежды могут воспроизводить образы помощника (*Где, где ты, Надежда, которой только свистни – и рванёт на выручку?* Л. Беляева. «Бабка с луны»), молодого существа (*Я полон дум, когда, закрывши вежды, Внимаю шум Младого дня и молодой надежды; Я полон дум. А. Фет. «Я полон дум, когда, закрывши вежды...»*).

Вторую группу – малочисленную – формируют признаки концепта надежда, актуализирующие прототип "отношение к жизни":

надежда – не рациональное отношение к жизни (*безрассудная/ безумная/ глупая/ нелепая/ наивная/ опрометчивая надежда*);

надежда – эмоциональное отношение к жизни (*волнующая/ восторженная/ мучительная/ безотчётная/ неясная/ отчаянная/ страстная/ романтическая надежда устар.*).

Третья группа, входящая в структуру концепта надежда, восходит к прототипу "обман":

надежда – обман/ тщета (*заманчивая/ иллюзорная/ ложная/ лукавая/ напрасная/ несбыточная/ обманчивая/ пустая/ тщетная/ эфемерная надежда; жить, обманывая себя надеждой; надеяться напрасно/ зря разг.; напрасные надежды*);

надежда – обольщение (*ветренная/ дразнящая/ манящая/ неверная/ неопределённая/ обольстительная/ обманутая/ сладкая/ сладостная/ томительная/ чарующая надежда*).

Обольщение – это и есть надежда. Тщета ожидания определяется обольщением, надеждой (*льститься/ обольщаться надеждой*). Надежда – это не только индивидуальное качество человека. Надежды обобщаются до национальных размеров. Надежда-обольщение для славян, например, может заключаться в ожидании вольности, воли – ключевого концепта русской и, шире, славянской, культуры. Надеждой обманывают собственную душу (*И было у него во власти Большую душу как-нибудь На миг надеждой обмануть!* М. Лермонтов. «Ангел смерти»). Желания и надежды объединяются общим признаком "обман" (*Желаний и надежд томительный обман...* А. Пушкин. «Погасло дневное светило»).

Четвёртая группа концепта надежда определяется прототипом "тайна":

надежда – секрет/ тайна (*тайная/ сокровенная надежда*);

надежда – личное, интимное (*личные надежды*).

Надежды хранятся в тайниках сердца и души (*надежду таить в душе/ сердце*). Личные надежды таят в самых глубинах души. Такие надежды составляют утешение жизни человека (*Николушка и его воспитание, Андре и религия были утешениями и радостями княжны Марьи; но, кроме того, так как каждому человеку нужны свои личные надежды, у княжны Марьи была в самой глубокой тайне её души скрытая мечта и надежда, доставлявшая ей главное утешение в её жизни. Л. Толстой. «Война и мир»*).

Пятая группа в структуре концепта надежда образуется признаками прототипа "стихия", реализуемого посредством трёх характеристик – воды, воздуха/ дыма и огня/ света:

надежда – вода (*капля надежды; ни капли надежды*);

надежда – туман (*надежда рассеялась*);

надежда – газ/ дым (*надежда улетучилась; ср.: И прежний фимиам несбыточных надежд У ног их всё ещё дымится. А. Фет. «В полуночной тиши бессонницы моей...»*);

надежда – (слабый/ тусклый) свет/ звезда (*золотая/ блестящая/ бледная/ слабая/ светлая/ далёкая надежда*);

надежда – огонь/ солнце (*горячая/ жаркая/ лучезарная устар./ немеркнущая/ безза-*

катная/ ослепительная/ пыльная/ сияющая/ угасшая/ яркая/ ясная надежда; у кого/ в ком теплится надежда; луч надежды).

Концепт надежда включает в свою структуру признаки "солнца", которые в текстах реализуются разнообразными способами. Надежда наделяется лучами, светом, озаряющим душу и чело. Надежда уподобляется звезде (*Звезда надежды благодатная, Звезда любви волшебных дней, Ты будешь вечно незакатная В душе тоскующей моей!* В. Чуевский. Гори, гори, моя звезда...). Надежда концептуализируется признаками "частицы огня". Искрами надежды характеризуется нерукотворный – небесный – огонь. Надежда уподобляется искре, хранимой в сердце, или углям, тлеющим в сердце.

Шестая группа концепта надежда восходит к прототипу "растение":

надежда – растительность (*бесплодная надежда; буйная надежда* устар.);

надежда – сладкий плод (*плод сладостных надежд; сладостные надежды; сладкая надежда*). Надежда передаёт признаки "созревшего плода";

надежда – сад (*надежда расцветает/ цветёт*; ср.: *Расцветь в надежде неуклонной...* А. Фет. «Сентябрьская роза»).

Седьмая группа структуры концепта надежда объединяет признаки, зафиксированные в лексикографических источниках: надежда – «ожидание чего-либо желаемого, соединённое с уверенностью в возможности его осуществления». Надежда в таком случае реализуется через признаки виртуальных, планируемых и реальных, осуществляемых событий:

надежда – желание/ ожидание (*надежда на кого/ на человека/ коллектив/ команду/ событие; надежда на что/ на помощь/ поддержку/ сочувствие/ на успех/ выздоровление/ спасение/ счастливое будущее/ на лучшее/ на счастливый случай; надежда сделать что/ победить/ поступить/ спасти кого; выразить надежду*);

надежда – занятие (*предаваться несбыточной надежде; ум исполнен надежд*);

надежда – жизнь (*жить одной надеждой; отрадная надежда; приятная надежда*);

надежда – цель жизни (*жить и надеяться; дразнящая/ манящая/ далёкая/ заманчивая/ неопределённая/ несбыточная/ пустая/ неверная/ нелепая надежда*);

надежда – поступок (*опрометчивая/ отчаянная надежда; разрушительная надежда; дерзкая/ дерзостная надежда*);

надежда – ответственность (*возлагать на кого надежду* книжн.).

Жизнь представляет поле битвы, где любой поступок человека может быть описан метафорами геройства или трусости. В жизни человеку приходится воевать с трудностями, с самим собой, в таком преодолении помощь может заключаться в наличии надежды (ср.: *Нет ни надежд, ни сил для битвы – Лишь, посреди ничтожных смут, Как гордость дум, как храм молитвы, Страданья в прошлом восстают.* А. Фет. «Всё, что волшебным так манило...»).

Надежда в некоторых контекстах означает «смысл жизни» (*Он [друг] был рождён для мирных вдохновений, Для славы, для надежд; но меж людей Он не годился – и враждебный гений Его душе не наложил цепей.* М. Лермонтов. «Л***»). Надежда – это сама жизнь (*жить надеждой на что*). Начало жизни – молодость – воспринимается как период, наполненный надеждами и ожиданиями (ср.: *Молодость трудная, Полная страсти, надежд, увлечения...* Некрасов. «На смерть Шевченко»). Надежда составляет смысл жизни, она исчезает только после смерти (ср.: *И в тех лишь нет надежды вновь, В ком навсегда застыла кровь!* Н. Некрасов. Новый год).

Надежда может заключаться в ожидании осуществления планов (*надеяться «ожидать»*), их воплощения (*исполнение надежд*). Обычно свои надежды скрывают. Ситуации объявления о намерениях передаются метафорами разделения надежды-ресурса со вторым участником ситуации (*поделиться с кем-л. своими надеждами; обсудить с кем-л. свои надежды*).

Многие ситуации, которые связаны с надеждой, предполагают нескольких участников – двух или нескольких. К таким ситуациям относятся ожидание славы, прощение, ожидание взаимности в любви (ср.: *безнадёжная любовь*), счастье (*надежды на счастье*), ожидание встречи и взаимопонимания. Другими словами, встреча, взаимопонимание, слава, прощение, любовь и счастье – это явления социальные в русской культуре и, соответственно, в языковой картине мира. Общий смысл надежды состоит в ожидании изменений в будущем в лучшую сторону.

Надежда – это пустое занятие (*предаваться пустым надеждам*; ср. *предаваться пустым занятиям*). По этому признаку надежда и мечта – синонимы (*Навеки отдана угрюмому невежде, Не предавалась ты несбыточной надежде – Тебя пугала мысль восстать про-*

тив судьбы... Н. Некрасов. «Родина»). Надежда одновременно – это некое наслаждение (*На надежда услаждает, Возвратишься скоро ты*. Г. Державин. «На отсутствие её велич. в Белоруссию»). Надежда – это занятие ума. Интересно, что сфера чувств проникает в русской языковой картине мира в сферу ума (*чувствовать надежду*). И наоборот, мысли могут локализоваться в сердце или душе (ср.: *мысль на сердце пала; мысль в душу заронилась*).

Структура концепта надежда включает группу эмоциональных признаков, восходящих к прототипу "чувство/ эмоция":

надежда – чувство (*щемлящая надежда; с надеждой смотреть/ взглянуть на кого; надеяться в глубине души; выразить надежду на что; ср.: выразить чувства*);

надежда – радость (*отрадная/ приятная/ радостная надежда*);

надежда – настроение (*радостная/ светлая надежда*).

Надежда является утешением жизни человека (*утешать себя надеждой*). Надежда при этом – это кратковременное состояние. Надежда заполняет душу или сердце, этим и определяет настроение человека.

Группа предметных признаков концепта надежда относится к двум прототипам – "имущество" и "опора":

надежда – имущество (*потерять всякую надежду; утратить надежду; оставить надежду; лишиться надежды; лишить кого надежды; не оставить кому надежды; подать кому надежду; с надеждой; от какой надежды отказаться; не теряйте надежды; иметь надежду; есть надежда на что/ кого; сделать что нет никакой/ ни малейшей надежды (К сожалению, у него нет ни малейшей надежды пройти по конкурсу); хранить надежду; ср.: иметь/ терять/ оставлять/ хранить имущество*);

надежда – опора (*кто/ что – чья надежда «о том, на кого или на что можно надеяться, опереться, положиться» (Сын – наша единственная надежда); шаткая надежда; разрушенная надежда; твёрдая надежда; слабая надежда (Я очень надеюсь на вас; На этого человека нельзя надеяться; молодые – опора будущего)*).

Для русской культуры опора только на себя, на свои силы расценивается негативно. В языке такое явление обозначается как *самонадеянность*. Опора и надежда в некоторых контекстах выступают в качестве синонимов (– *Боже мой, боже мой! И это – молодёжь, надежда страны!.. – воскликнул*

Сергей Андреевич. В. Вересаев. «Поветрие»). Особенностью русской культуры является то, что не на каждого человека возлагают надежды: эмоциональные люди не вызывают доверия.

Вариантом группы признаков "надежда – имущество" может быть "надежда – ресурсы" (*надежда появилась/ иссякла*). Как ресурсы, надежду имеют, берегут, утрачивают, теряют. Ресурсы надежды определяются количественными характеристиками: их считают (*первые надежды; последняя надежда*), определяют (*есть надежда; нет надежды*). Надежды *подают, отдают*. Ресурсы-надежды, исчезая полностью, оставляют после себя только тень (*осталась только тень надежды*) или пропадают бесследно, как мыльные пузыри (*надежда лопнула*).

Группу предметных признаков концепта надежда можно дополнить дименсиональными признаками размера: размер надежды бывает разнообразным (*большая/ великая/ огромная надежда; малейшая/ маленькая надежда*). Надежда может измеряться количественными признаками воды; капля считается мельчайшей единицей измерения надежды (*если осталась хоть капля надежды*). Эта группа включает также признаки последовательности или количественности:

надежда – череда (*первые надежды; последняя надежда*);

надежда – количество (*никакой надежды не осталось; не осталось ни крохи надежды; единственная надежда*).

Надежды «пересчитывают», уточняя их количество (*мало надежды; одна надежда; последняя надежда*), определяя, что осталось в ресурсе.

Концепт надежда может быть представлен несколькими пространственными группами:

(1) группой пространственной вертикальной оппозиции "небо-земля":

надежда – небо / небесное явление/ создание (*высокая надежда; далёкая надежда; радужная надежда; светлая/ тёмная надежда; туманная надежда; розовая надежда; заря надежды поднимается в ком; смутная надежда; большая/ великая/ огромная надежда; святая надежда; надежда озаряет что*);

надежда – земля/ почва (*земная надежда; зыбкая надежда; ср.: зыбкая почва*).

Надежда обычно относится к области идеального, возвышенного, неземного (ср.: **В сердце – надежды неземные...** А. Блок. «Сумерки, сумерки вешние...»).

(2) группой внутреннего пространства: надежда – дом (*жить в надежде*); надежда – вместилище (*быть/ находиться в надежде на что*).

Надежда уподобляется некоему мифологическому пространству, в котором пребывает человек (*пребывать в надежде*). С таким мифологическим пространством сравнивается состояние, в котором находится человек (*Целые дни я бродил около садов Покровского в надежде увидеть издали ваше белое платье*. А. Пушкин. Дубровский).

Последняя группа структуры концепта надежда определяется признаками "времени" и "жизни". "Время" надежды это:

длительный процесс/ жизнь (*продолжать надеяться; жизненная надежда*);

отставание в пути-жизни (*запоздалая надежда*);

конец пути-жизни/ точка в пути (*конечная надежда* устар.).

смерть – конечная точка жизненного пути – обозначается признаком "окончание надежд" (*конец всех надежд*).

Анализ признаков концепта надежда, выявленных на основе устойчивых сочетаний, позволяет объединить их в следующие когнитивные модели, которые в языке представлены группами таких концептуальных метафор, как:

- НАДЕЖДА – РАСТЕНИЕ;
- НАДЕЖДА – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО (ЧЕЛОВЕК/ НАСЕКОМОЕ);
- НАДЕЖДА – ЖИЗНЬ (ОТНОШЕНИЕ К ЖИЗНИ/ СОБСТВЕННО ЖИЗНЬ/ ДВИЖЕНИЕ ПО ЖИЗНЕННОМУ ПУТИ/ ПОСТУПОК/ ЦЕЛЬ ЖИЗНИ);
- НАДЕЖДА – ЧУВСТВО;
- НАДЕЖДА – ЖЕЛАНИЕ/ОЖИДАНИЕ;
- НАДЕЖДА – ОБМАН (ТЩЕТА/ ОБОЛЬЩЕНИЕ);
- НАДЕЖДА – ТАЙНА;
- НАДЕЖДА – СТИХИЯ (ВОДА; ВОЗДУХ/ДЫМ; СВЕТ/ОГОНЬ);
- НАДЕЖДА – ОПОРА;
- НАДЕЖДА – ИМУЩЕСТВО;
- НАДЕЖДА – ВЕРТИКАЛЬ "НЕБО/ ЗЕМЛЯ";
- НАДЕЖДА – ДОМ/ ВМЕСТИЛИЩЕ.

Как отмечает Е. О. Опарина, «глубину концептуальной метафоры можно охарактеризовать как способность высвечивать важные для обозначаемого концепта признаки» [4, с. 72]. Наиболее развитые по набору признаков представляют собой группы кон-

цептуальных метафор НАДЕЖДА – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО и НАДЕЖДА – ЖИЗНЬ. Основные образы надежды в русской языковой картине мира – это надежда-ребёнок, которого вращивают и лелеют; надежда-человек, от которого ожидают поддержку; надежда-жизнь или, точнее, способ жизни, цель и смысл жизни, а также отношение к ней. Надежда в таком случае выступает в качестве символа русской культуры, вобравшего в себя специфику отношения к жизни и отношения к детям и людям.

Таким образом, признаки и соответствующие группы в структуре концепта надежда актуализируют такие традиционные антонимичные свойства, как "живое-неживое"; "абстрактное-конкретное"; "тайное-проявленное"; "материальное-идеальное"; "природное-рукотворное", "светлое-тёмное" и нетрадиционные антонимичные качества, как "вертикаль-поверхность"; а также отдельные, не противопоставленные чему-либо, характеристики надежды, такие, как "обман", "опора".

Процесс ментальной репрезентации знаний проявляется и закрепляется в виде когнитивной модели (или фрейма). Когнитивная модель (фрейм) – это структура данных, хранимых в памяти человека для представления стереотипных ситуаций, конкретизирующая, в частности, что является для данной культуры характерным и типичным (существует узкое понимание фрейма как базисных элементов, которые носитель языка в состоянии идентифицировать в рамках ситуаций).

Актуализация фрейма надежда проявляет стереотипные сценарии поведения человека, которые реализуются в языке в виде глагольных конструкций. Сценарии отражают наиболее частотные речеповеденческие ситуации, которые фиксируются и хранятся в сознании носителей языка и выражаются в языке в виде устойчивых и свободных сочетаний. К типичным сценариям надежды относятся следующие:

- желание/ ожидание (*хотеть надеяться на что; надеяться очень/ зря разг.; надеяться на кого/ на друга/ на сына/ на коллектив/ на команду/ на чью честность/ на чьё мужество/ на чью верность/ на свою память/ только на себя; Мы почти не надеялись застать его дома; ср: Там наконец я всё, чего душа алкала, Ждала, **наделась**, на склоне лет найду И с лона тихого земного идеала На лоно вечности с улыбкой перейду*. А. Фет);

- труд (*устать надеяться*);
- помощь (*надеяться на кого/на что; надеяться на помощь*);
- поддержка (*надеяться на кого/на что/на поддержку*);
- сочувствие (*надеяться на сочувствие*);
- счастье (*надеяться на счастье/счастли- вый исход/случай*);
- здоровье (*надеяться на выздоровление*);
- спасение (*надеяться на спасение*);
- победа (*надеяться победить/одержать победу/ уйти от поражения*);
- лесь (лестная надежда устар.; лестишь себя надеждами);
- встреча (*надеяться застать/увидеть кого*);
- деяние (*надеяться сделать что*);
- цель/стремление (*надеяться добиться чего*; ср.: Он надеялся нажить большие деньги как адвокат. Ф. Достоевский. «Идиот»);
- оптимистический взгляд на жизнь (*надеяться на лучшее*);
- пессимистический взгляд на жизнь (*перестать надеяться*);
- неуверенность/робость поведения (*надеяться робко на что; но в глубине души она всё же робко надеялась, что в следующее воскресенье он придет к ней опять*. Н. Чуковский. «Балтийское небо»);
- твёрдость, решительность поведения (*надеяться твёрдо/несмотря ни на что*);
- скрываемые чувства (*в глубине души надежда/надеяться*).

Таким образом, можно заключить, что прототипическая ситуация надежды отображает национальное видение мира, которое специфицируется в виде четырёх блоков: НАДЕЖДА – ВЗГЛЯД НА ЖИЗНЬ (оптимизм, пессимизм); НАДЕЖДА – ПОВЕДЕНИЕ (неуверенность, решительность); НАДЕЖДА – СОВМЕСТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ (помощь, поддержка, труд, победа, встреча, деяние, спасение); НАДЕЖДА – ЧУВСТВО (сочувствие, счастье, скрываемые чувства, желание, стремление).

Список литературы

1. Кибрик А. А., Плуниан В. А. Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики : сб. обзоров. М. : МГУ, 1997. С. 276–339.
2. Колесов В. В. Ментальные характеристики русского слова в языке и философской интуиции // Язык и этнический менталитет. Петрозаводск : Петрозаводский ун-т, 1995. С. 13–24.
3. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2000. 326 с.
4. Опарина Е. О. Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте. М. : Наука, 1988. С. 65–77.
5. Пименова М. В. Концепт надежда в русской языковой картине мира // Человек и его язык: к 75-летию проф. В. П. Неделкова; отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. Кемерово : Графика, 2003. С. 47–67. (Серия «Филологический сборник». Вып. 4).
6. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имён: семантика и сочетаемость. М. : Русские словари, 2000. 415 с.
7. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1981–1984.
8. Телия В. Н. Предисловие // Метафора в языке и тексте. М. : Наука, 1988. С. 3–10.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. : Прогресс, 1987. Т. III.
10. Rosch E. On the Internal Structure of Perceptual and Semantics Categories // Cognitive Development and Acquisition of Language / T. E. Moore (ed.). N. Y., 1973.